

ДИЛЕММА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕХНОКРАТИЗМ ИЛИ ДУХОВНОСТЬ?

В статье анализируется тенденция нарастания нигилизма в культуре XIX-XX веков и тенденция массовизации культуры на основе идей Ф. Ницше, М. Хайдеггера, М. Шелера, Х. Ортеги-и-Гассета, П.А. Сорокина и Э. Фромма. Показывается ущербность узкой специализации, одностороннего и прямолинейного прагматизма и утилитаризма, формирующих одномерного человека и ведущих к духовной деградации личности. Автор обосновывает идею, что в современной культуре ощущается острая необходимость защитить человека от воздействия массовой культуры и создать условия для его духовного развития на основе религиозных, художественных, философских и научных ценностей и знаний.

Призвание человека в духовной деятельности, в постоянном поиске правды и смысла жизни.

ЧЕХОВ А.П. «Дом с мезонином»

...В XX веке происходит сдвиг культуры и ее проблем в эпицентр человеческого существования... [1]

БИБЛЕР В.С.

Вторая половина XIX века в западноевропейских странах проходит под знаком критики просвещенческой модели культуры. Основанием для критики послужило то, что стремление европейцев к истине и прогрессу оправдало себя не во всем. Многие мыслители этого периода отмечали наряду с неоспоримыми достижениями цивилизации и огромные потери в культуре. Наиболее рельефно это сделал Ф. Ницше, поднявший проблему кризиса западноевропейской культуры и проанализировавший тенденцию нарастания нигилизма. Европейское общество уходило, по его мнению, от традиционных ценностей и от традиционной культуры. Ницше перевел анализ культуры из гносеологического плана в аксиологический и перенес акцент с науки на искусство. Немецкий мыслитель считает, что до сих пор наука определяла прогресс, теперь искусство должно преодолеть кризис. Это переворот сродни коперниканскому и кантовскому, но он недостаточно оценен, а ведь практически весь иррационализм и модернизм вышли из Ницше.

Основоположник «философии жизни» сделал общеинтересной проблему значимого, смысла, ценности как особого рода бытия. Вслед за ним пошли неокантианцы, и «ницшевская идея ценности» утвердилась в философии [2]. Ницше удалось наиболее глубоко поставить проблему аксиологических оснований культуры. Он размышляет о сущности нигилизма и пишет: «Что обозначает нигилизм? То, что высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?»» [3]. Какие же именно, по мнению Ницше, ценности традиционной христианской культуры потеряны? Во-первых, утрачено отношение к человеку как абсолютной ценности, во-вторых, раз-

мывается отношение к Богу как источнику мира, совершенства и смысла, в-третьих, в связи с утратой абсолютных ценностей человек утрачивает и адекватное познание и, наконец, в-четвертых, человек стал незащищен по отношению к самому себе, он может презирать себя, восстать на жизнь и отчаяться в познании [4].

М. Хайдеггер так объясняет сущность нигилизма: «Нигилизм» употребляется Ницше как название им впервые опознанного, пронизывающего предыдущие века и определяющего собою ближайшее столетие исторического движения, истолкование самой сути которого он сводит к короткому тезису: «Бог умер». Это значит: «христианский Бог» утратил свою власть над сущим и над предназначением человека. «Христианский Бог» здесь одновременно служит ведущим представлением для «сверхчувственного» вообще и его различных истолкований, для «идеалов» и «норм», для «принципов» и «правил», для «целей» и «ценностей», которые учреждены «над» сущим, чтобы придать сущему в целом цель, порядок и – как вкратце говорят – «смысл». Нигилизм есть тот исторический процесс, в ходе которого «сверхчувственное» в его господствующей высоте становится шатким и ничтожным, так что само сущее теряет свои ценности и смысл» [5].

Обесценение традиционных ценностей привело к глубокому изменению содержания культуры. По мнению П.А. Сорокина, мы живем в эпоху «чувственной культуры» [6], которая знаменует собой кризис всей современной культуры. Основным признаком современной чувственной культуры, по Сорокину, – сенсорность, а основной принцип – светский и утилитарный. То есть на смену аристократическому началу в культуре, которое культуру углубляло, пришло начало мас-

совое, весьма поверхностное. В этом переходе есть определенный положительный момент, связанный с тем, что культура XX века идет вширь и вовлекает в свою орбиту новые социальные слои, особенно в связи с развитием средств массовой коммуникации. Большие тиражи газет, журналов, книг охватывают огромную читательскую аудиторию. Искусство (теле-, кино-, аудио-, видео- и т. д.) тоже стало массовым. Наконец, компьютерная сеть и Интернет охватили весь мир.

Говоря о массовой культуре, нужно учесть и такой момент, что она основана на индустриально-коммерческом типе производства и распределения стандартизированных духовных благ. А эту сторону массовой культуры признать позитивной уже невозможно. Во-первых, по причине того, что через средства массовой коммуникации осуществляется манипулирование общественным сознанием и навязываются стандарты поведения во всех сферах жизни. Во-вторых, духовная и идеологическая продукция оказывается зачастую весьма низкосортной: «Серийная продукция массовой культуры обладает рядом специфических признаков: примитивность характеристики отношений между людьми, низведение социальных, классовых конфликтов к сюжетно занимательным столкновениям «хороших» и «плохих» людей, чья цель – достижение личного счастья любой ценой; развлекательность, забавность, сентиментальность комиксов, ходовых книжно-журнальных публикаций, коммерческое кино с натуралистическим смакованием насилия и секса; ориентированность на подсознание, инстинкты – жажда обладания, чувство собственности, национальные и расовые предрассудки, культ успеха, культ сильной личности и вместе с тем культ посредственности, условность, примитивная символика» [7].

Феномен массовой культуры предвидел Ф. Ницше, предвидел его и К. Леонтьев. Изучением данного феномена занимались Н.А. Бердяев, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, П.А. Сорокин, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе и др. Нередко эти авторы подчеркивают, что условия массовой культуры порождают духовную несвободу, отчуждение и угнетение личности. Современное общество (не только западное, но и наше, российское) продуцирует сниженный тип культуры, в котором усиленно культивируются прагматизм и утилитаризм. Духовное, абстрактное, романтическое и идеальное в такой культуре мало востребовано. Слой подлинно культурных людей в таком обществе очень

тонок. Интеллигентность и образованность все чаще вырождаются в «образованщину» [8].

Однако весьма примечательно то, что ряд авторов, исследующих феномен массовой культуры, придерживаются того мнения, что в перспективе общество и культура изменятся в лучшую сторону и наступит эпоха более высокого типа культуры: «новое Средневековье» по Н.А. Бердяеву, эпоха «энциклопедистов» по Х. Ортега-и-Гассету, «идеациональная культура» по П.А. Сорокину и т. д. В этой будущей культуре воплотятся лучшие духовные силы человечества, и она будет основана не только на разуме, но и на добре, на вере. Поиск такой интегральной культуры в виде «истинной религии» вел в свое время Л.Н. Толстой, осмыслением основ такой культуры занимались также Н.К. Рерих, А. Швейцер, говорили о диалоге и возможном согласии науки и религии П. Тейяр де Шарден, А.Н. Уайтхед и Э. Фромм.

Система образования в таком случае может сегодня выступить как сила, нейтрализующая негативное влияние на человека массовой культуры. В то же время она может предвосхитить будущее состояние общества и уже сегодня начать работать на полное духовное развитие человека, освобождая его от духовного отчуждения. На это могут возразить: «Утопия!», Да, в нынешнем кризисном состоянии нашего общества это очень похоже на утопию. Но даже если это утопия, разве человек не стоит такой утопии? Почему нужно считать духовную деградацию нормой? Разве попытка приблизить духовно богатое состояние общества не благородная задача? Тем более, что альтернативы нет. Вряд ли можно всерьез поверить в тезис, что подготовка в школе и в вузе дилеров, маклеров, менеджеров и программистов, бухгалтеров и аудиторов является более привлекательной, перспективной. Если предположить, что подготовка специалистов названных профилей является последним словом современной культуры, учитывая тот ажиотаж, который имеет место вокруг этих специальностей сегодня, то мы должны будем признать тот факт, что на смену «машинной серости» пришла «рыночная серость», «компьютерная серость», которая хорошо разбирается в рыночной конъюнктуре и знает, куда выгоднее поместить капитал.

В связи с этим возникает вопрос: стоило ли человечеству прилагать титанические усилия в ходе социального прогресса, чтобы прийти к такому примитивному результату. Нет, человеческий дух все равно будет развиваться, но только без нас, не «через нас», как сказал бы Гегель. Он

будет развиваться в другом месте и в другое время, но он совершит все великое, что ему положено совершить, он двинет вперед общество и создаст новые ценности подлинной культуры.

Конечно, обществу нужны современные специалисты и профессионалы, досконально знающие свой предмет, свое дело. Каждый из нас в решении своих повседневных житейских проблем предпочитает иметь дело с человеком, который в совершенстве владеет своей профессией и может предоставить нам максимально качественные услуги. Однако при этом нельзя забывать, что узкая специализация все-таки делает человека односторонним, одномерным. К. Маркс говорил, что специалист подобен флюсу. Задача образования и духовной культуры заключается, конечно же, не в том, чтобы воспрепятствовать человеку получить глубокие специализированные навыки и знания, а, наоборот, способствуя углублению профессионального образования, вместе с тем максимально разносторонне развить душу человека, развить «богатство человеческой природы» [9].

Ущербность узкой специализации в условиях массовой культуры великолепно показал Х. Ортега-и-Гассет. Он пишет, что история науки, например физики или биологии, – это история все большего ограничения круга своей деятельности, история сужения поля духовной деятельности. Следствием этого сегодня является неспособность «охватить мир как целое» [10], неспособность творить подлинную культуру и цивилизацию, как это делали энциклопедисты прошлых эпох, и, как следствие этого, «...специализация в каждом оттесняет общую культуру на задний план» [11]. К началу XX века складывается новый тип ученого, продолжает Ортега-и-Гассет: «Это – человек, который из всего, что необходимо знать, знаком лишь с одной из наук, да и из той знает лишь малую часть, в которой непосредственно работает. Он даже считает достоинством отсутствие интереса ко всему, что лежит за пределами его узкой специальности, и называет «дилетантством» всякий интерес к широкому познанию» [12]. «Раньше людей можно было разделить на образованных и необразованных, на более или менее образованных и более или менее необразованных. Но «специалиста» нельзя подвести ни под одну из этих категорий. Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки «человек науки» и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать

его «ученым невеждой», и это очень серьезно, это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присутствующими знатоку и специалисту.

И действительно, поведение «специалиста» этим отличается. В политике, в искусстве, в социальной жизни, в остальных науках он держится примитивных взглядов полного невежды, но излагает их и отстаивает их с авторитетом и самоуверенностью, не принимая возражений компетентных специалистов» [13].

Вывод из этих рассуждений Ортега-и-Гассет делает парадоксальный, но в сущности абсолютно верный: «Прямой результат этой умеренной специализации – тот парадоксальный факт, что, хотя сегодня «ученых» больше, чем когда-либо, подлинно образованных людей гораздо меньше, чем, например, в 1750 г.» [14]. И самое главное – то, что специализация не может, согласно мнению испанского философа, далее обеспечивать прогресс экспериментальных наук, так как это невозможно в условиях отхода от подлинной энциклопедической науки. Изменить положение, с его точки зрения, могут только новые люди, которые вернут науке синтетический и энциклопедический характер и преодолеют односторонность и ограниченность специализации [15].

Таким образом, можно предположить, что специализация и профессионализм – не самое главное измерение человека, хотя именно это в современной технической цивилизации ценится весьма высоко. И определение человека как *Homo faber* тоже не является наиважнейшим. Гораздо важнее такие определения, как «человек разумный», «человек культурный», «человек моральный», «человек духовный».

В истории человеческой мысли было принято немало разнообразных попыток познания и объяснения человеческой природы. Самые глубокие из них связаны с постижением разумной, духовной сущности человека. Человечество создало целый мир материальной и духовной культуры – так называемую «вторую природу» (Г. Гегель), «новый космос» (Н.А. Бердяев). В то же время и культура творит человека, потому что подлинное бытие человека возможно только в культуре, в атмосфере духовного совершенствования и развития. Повседневная-практическая жизнь тоже основана на культурных формах, созданных человечеством, однако она не всегда наполнена духовным смыслом. Поэтому, изучая историю мировой культуры, мы часто встречаем сюжеты, когда пророк, учитель ведет (в буквальном

и переносном смысле) своих последователей, учеников к обретению смысла жизни, к обретению духовности – человеческой и божественной. Рама и Кришна, Гермес и Прометей, Зороастр и Моисей, Конфуций и Лао-Цзы, Сократ и Платон, Будда и Иисус Христос, Мухаммед – все они (независимо от того, были ли они реальными историческими личностями или мифологическими персонажами) делали в конечном счете одно и то же – указывали людям путь обретения смысла, путь спасения, путь приобщения к истокам духа. Это «восьмеричный путь» обретения нирваны у Будды, «дао» в даосизме и конфуцианстве, путь возвышения до высот «Логоса» у Гераклита, «путь спасения» у Иисуса Христа. Так понимался в религиозной и философской традиции и путь формирования нравственной личности: либо через приобщение к божественным смыслам и целям, либо через обоснование тезиса, что нравственная личность выше Бога.

Таким образом, в истории человеческой мысли наблюдался определенный алгоритм: для целей формирования нравственной личности важно было установить (и устанавливалось в каждой конкретной религиозной или этической системе) определенное соотношение духовных и материальных ценностей. Повседневнопрактическая жизнь наполнена по преимуществу ориентациями на материальные ценности, поэтому постоянно возникала необходимость корректировки соотношения материальных и духовных факторов жизни, чем в основном занимались религия, философия и искусство.

Сегодня эта проблема не утратила своей актуальности. Соотношение материальных и духовных ориентаций и интересов в жизни людей – это гибкая и динамичная система, которая изменяется от эпохи к эпохе. О том, какое значение придавали этой проблеме Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет и П.А. Сорокин, уже говорилось выше. Занимались ею и отечественные философы и культурологи: К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, М.М. Бахтин.

Если главная задача школы понимается не только как подготовка учащихся к выбору профессии, а более широко – как *переведение человека из мира повседневности в мир культуры*, то роль школы в формировании духовного мира человека очень велика. Главное качество учителя – не то, что он предметник, а то, что он является носителем ценностей культуры. Культура человечества зашифрована в текстах. Уметь их понимать – значит уметь читать человеческую культуру, уметь выражать свои

мысли и переживания, уметь пользоваться словом. Каждому человеку необходимо чувство слова, и наставнику и ученику. В.А. Сухомлинский понимал педагогическую деятельность как деятельность по своей природе гуманитарную и сформулировал следующую важную мысль: «...каждый учитель независимо от того, какой предмет он преподает, должен быть словесником» [16]. Учитель доносит знания и ценности до своих подопечных и тем самым способствует развитию личности, формированию ее духовно-нравственных качеств. Безусловно, профессиональные знания педагога очень важны, но сводить все только к этому было бы неправильно. Особенно важное значение имеет выверенное слово учителя, преподавателя, наставника в тяжелые и переломные моменты для страны, когда вокруг них много людей, утративших верные ориентиры в жизни и потерявших представление о подлинных ценностях. Такие утраты и потери чреваты тяжелыми общественными потрясениями. Так было во все времена. Древнегреческий философ Антисфен (ученик Сократа) утверждал, что государства погибают тогда, когда люди не могут более отличать хороших людей от дурных [17]. Интеллигенция, люди культуры не всегда могут предотвратить общественные потрясения, но занять позицию противостояния злу могут всегда. Современный французский философ Ж.-П. Сартр говорил об этом так: каждое слово имеет значение и каждое молчание – тоже.

Система «учитель – ученик» универсальна для всех времен и народов. Учитель собирает вокруг себя своих учеников, и если он завоевал доверие подопечных, то от него во многом зависит, насколько глубоко постигнут ученики глубины культуры и какую систему ценностей они изберут. Сидит ли ученик у ног учителя, как в Древней Индии, где первые философские книги назывались «Упанишады», что означает «сидеть у ног учителя» [18]. Или он прогуливался вместе с учителем по дорожке сада (*peripatos*), как в Ликее Аристотеля, главное заключалось в том непосредственном духовном воздействии, которое оказывал наставник на подопечных. Сократ оказал такое большое влияние на двадцатилетнего поэта Платона, что юноша сжег свои поэтические рукописи и посвятил себя философии [19].

Будда принимал представителей всех сословий в свою сангху (общину), ибо он провозглашал впервые в истории человечества, что все люди равны и различаются они только нравственностью [20]. Конфуций тоже считал, что

всех детей (благородных и простолюдинов) нужно обучать и воспитывать одинаково и на одних и тех же принципах морали, так как люди, руководствующиеся разными принципами, не смогут найти общий язык и это приведет к противоречиям в государстве [21]. Что же касается древнегреческих мыслителей – Пифагора и Платона, то они придерживались аристократического принципа в этом вопросе и вели жесткий отбор учеников по происхождению и по интеллектуальному уровню. Однако всех этих великих мыслителей объединяло одно: то, что человек должен учиться не ради чинов, должностей и престижа, а для своего духовного развития и с целью постижения истины, сущности бытия. М. Хайдеггер по этому поводу пишет, что существо древнегреческой пайдеи (образования, воспитания) не в том, чтобы загрузить неподготовленную душу голыми знаниями, словно первый попавшийся сосуд, а в том, чтобы духовно-нравственно преобразовать человека во всей его глубине [22].

С момента своего возникновения и по сей день особенно важную роль в духовном преобразовании человека играла философия, проводившая работу по интеграции и осмыслению отдельных, разрозненных знаний, по построению целостной картины мира, по созданию основополагающих этических систем. Философия ставила «вечные вопросы» и давала на них ответы, постигала сущность мира и человека, проясняла основания культуры и человеческой свободы. Философия выступала своеобразной вершиной пирамиды человеческого знания, синтезируя его и придавая ему смысл. Б. Паскаль писал, что «все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы ничто» [23]. «Мыслить достойно» [24] – вот требование французского мыслителя, то есть мыслить философски, мыслить нравственно, мыслить глобально, охватывая мир в целом, и в то же время глубоко постигать духовный мир человека во всех его противоречиях.

Философы в свое время часто были не признанными, не услышанными, идеи их были невостребованными, они нередко были людьми неудобными и возмущали своих современников образом жизни, поведением, речами, вопросами, интересом к тому, что других не занимало. Многие из философов за приверженность к определенным идеям и принципам поплатились жизнью, немало их было подвергнуто изгнанию или сами спасались бегством. Складывается такое впечатление, что во все времена филосо-

фы плохо воспринимались своими современниками и их идеи находили больше понимания в последующих поколениях и даже эпохах. Как будто бы идеи выдающихся мыслителей возникали только для того, чтобы устремиться в будущее и рассказать потомкам далеких времен о напряженных духовных исканиях в условиях «осевого времени» (К. Ясперс) [25]. Можно сравнить мысль древних и ее направленность в будущее с реликтовым излучением, возникшим 20 млрд. лет назад в процессе взрыва вещества Вселенной и несущим информацию о Метагалактике на всех ступенях ее эволюции. Так, древние мыслители (Фалес, Анаксимандр, Зороастр, Будда, Конфуций, Моисей, Гераклит, Пифагор, Платон, Аристотель и др.) направили «ось», «излучение» своей мысли к нам и дальше в беспредельное будущее.

Постигать сущность бытия, открывать тайны природы, которая «любит скрываться» (Гераклит), «познать самого себя» (Сократ), быть «мыслящим тростником» (Паскаль), переживать «звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (Кант) – вся эта духовная и интеллектуальная работа была сопряжена с самопожертвованием ради мысли. Они были целеустремленны, одержимы, но они были и одиноки. Между ними и остальными людьми было непреодолимое препятствие – глубина и непостижимость их интеллектуального мира, преодолевающего пространственные и временные ограничения. Великие мыслители переживали великую драму – драму жизни и познания. Кажется, будто Александр Блок написал следующие строки именно о них:

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагических страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельный пожар!

Выше уже было сказано, что профессионализм учителя как предметника весьма важен, но не составляет единственной и определяющей характеристики его деятельности. Не менее важно духовное богатство личности наставника, способствующее тому, что научные знания включаются в контекст культуры, и именно в таком качестве они передаются ученикам. В древности и в эпоху Средневековья учитель нес всю сумму

знаний, но развитие общества и прогресс науки привели к тому, что культура приобрела отраслевой характер, образование в начале Нового времени было построено по предметному принципу с введением классно-урочной системы, а наука приобрела в XVIII веке дисциплинарный характер. То есть в культуру, науку и образование вошли дифференциация и специализация, что соответствовало духу времени и состоянию человеческого разума, который стал проявлять себя особенно в абстракциях науки и философии, пришедших на смену мифу и чувственно-образному (поэтическому) видению мира.

Специализация неизбежна и необходима в условиях постоянно усложняющейся человеческой деятельности и непрерывно нарастающих объемов информации, особенно в наше время. Однако и в современных условиях есть определенная возможность стать духовно ориентированным и разносторонне образованным человеком. На этом пути прежде всего система образования (учителя, преподаватели) не должна поддаваться фетишизму техники и чрезмерно увлекаться современной машинной и компьютерной мифологией. Но еще хуже воздействие паранауки и парарелигии на человека. Можно только присоединиться к мнению известного немецкого социолога и теоретика культуры М. Вебера, что в вопросах мироистолкования и смысла жизни лучше всего для человека придерживаться классической науки и традиционной религии [26].

Всей суммой знаний овладеть сегодня невозможно, но уже в детстве и юности человек может овладеть глубокими пластами художественной культуры, приобщиться к истории мировой и отечественной культуры. История науки тоже помогает уяснить гораздо глубже множество узкоспециальных вопросов и существенно расширяет горизонт мировоззрения. Для образованного человека также очень важно понять стили мышления разных эпох, почувствовать движение культуры и изучить динамику картин мира, при этом не всегда обязательно овладевать конкретными деталями во всем объеме, что под силу только узким специалистам. Достаточно владеть во всех подробностях только своей узкоспециальной областью знания. Но и это даст человеку понимание основных тенденций развития общества, культуры, науки, существенно углубит его представления о мире и человеке, сделает его если и не энциклопедистом, то человеком мыслящим, ищущим, подлинно образованным.

Теперь можно уточнить задачу школы и вуза. Специальные задачи у них различны, а об-

щекультурная задача – одна, с тем лишь различием, что школа *начинает* вводить человека в мир культуры, а вуз *продолжает* и *углубляет* приобщение к миру знаний и ценностей. Но и вуз не является последней инстанцией по приобщению человека к духовной жизни, так как вуз – это только трамплин, который задает человеку направление и ускорение. Сила этого ускорения зависит не только от талантливости ученика, но и от масштаба личности его учителя. Дальше человеку нужна работа над собой всю жизнь, чтобы *стать звеном в цепи развития культуры*. Не каждому эта честь выпадает, но стремление к этому необходимо. Весьма поэтично (хотя и прозой) выразил мысль о приобщении человека к духовной культуре и о важной миссии человека в культуре Ф. Ницше. Он писал: «Нужно пережить любовь к религии и искусству, как к матери и кормилице, – иначе нельзя стать мудрым. Но нужно уметь смотреть поверх них, перерасти их; оставаясь под их чарами, нельзя понять их. Так же тебе должна быть близка история и осторожная игра с чашами весов «с одной стороны – с другой стороны». Пройди еще раз по следам человечества его великий, полный страдания путь через пустыню прошлого: так ты лучше всего узнаешь, куда все позднейшее человечество уже не может или не должно более идти. И всеми силами стремись наперед предугадать, как еще завяжется узел будущего, ты придашь своей собственной жизни ценность орудия и средства познания. От тебя зависит, чтобы все, что ты переживаешь, – твои искания, ложные пути, ошибки, разочарования, страсти, твоя любовь и твоя надежда – без остатка растворились в твоей цели. Эта цель состоит в том, чтобы самому стать необходимой цепью звеньев культуры и от этой необходимости заключать к необходимости в ходе всеобщей культуры. Когда твой взор достаточно окрепнет, чтобы видеть дно в темном колодце твоего существа и твоих познаний, тебе, быть может, в его зеркале станут видимы и далекие созвездия будущих культур. Думаешь ли ты, что такая жизнь с такой целью слишком трудна, слишком бедна приятностями? Если да, то ты еще не узнал, что нет меда слаще меда познания и что нависшие тучи горести должны служить тебе выменем, которое даст молоко для твоего услаждения. И лишь со старостью откроется тебе, что ты следовал голосу природы – той природы, которая управляет всем живущим через наслаждение: жизнь, имеющая свою вершину в старости, имеет свою вершину и в мудрости, в этом кратком солнеч-

ном блеске постоянной духовной радости; то и другое, старость и мудрость, ты встретишь на *одном* горном хребте жизни: того хочет природа. Тогда наступает пора, чтобы приблизился туман смерти, и нет повода гневаться на это. Навстречу свету – твое последнее движение; восторг познания – твой последний возглас» [27]. Проблемы, которые рассматриваются в данной статье, очень рельефно представил основоположник немецкой философской антропологии М. Шелер, который полагает, что существует три высших цели, которым должно служить знание и должно быть подчинено саморазвитие человека. Во-первых, культура в целом и знание (в частности) могут служить полному развитию личности. Это «образовательное знание». Во-вторых, существует «спасительное знание», под которым имеется в виду приобщение к религиозным ценностям. И, в-третьих, немецкий философ выделяет знание, с помощью которого достигается господство над природой. Это «трудовая наука» [28]. Шелер пишет: «Образовательное знание и спасительное знание в поздней истории Запада все больше и больше отходили на задний план» [29]. На первый план вышло «трудовое знание», изучавшее неорганическую природу и оставшееся совершенно равнодушным к изучению человека. Поэтому он считает, что чистое образовательное знание и чистое спасительное знание должны быть «извлечены из мусора цивилизации, ориентированной на труд и достижения» [30].

Для Шелера совершенно ясно, что в соотношении трех видов знания, о которых он говорит, существует определенная иерархия: от «знания ради господства» путь идет к «образовательному знанию», где должно состояться обретение гармонии и трансцендентного смысла бытия. Здесь личность возвышается до микрокосма и включается в тотальность бытия. Логика подлинной культуры и логика духовного развития человека представлены Шелером очень хорошо, и в этом с ним можно согласиться. Но пресс современной цивилизации оказывает очень мощное воздействие на человека, особенно начинающего свой жизненный путь, предлагая ему реализовать свои творческие потенции в рыночной деятельности, в борьбе с конкурентами, в погоне за наживой, в достижении успеха любой ценой, в господстве над природой, в преодолении традиционной культуры, в модернизации производства, т. е. в создании еще более мощной техники, производящей еще больше негативных изменений в природе. «Человек-господин», «человек-супермен»,

«человек-миллионер», «человек-робот» – вот современные кумиры. Это говорит о том, что сегодня нарастает тенденция дегуманизации общества, когда нормальные человеческие чувства, мысли и устремления искажаются и подменяются дегуманизированным фарсом. За примерами далеко ходить не придется, достаточно посмотреть газеты, телевидение, видеопродукцию, кино, литературу и т. д.

По мнению крупного мыслителя XX века Э. Фромма, дегуманизирующий пресс современной цивилизации не позволяет человеку развить свое «подлинное Я», а способствует развитию в нем «мнимого Я» и подмене подлинной человеческой сущности, состоящей в творчестве и духовности, ложными ценностями мнимого существования (рынок, коммерция, вещизм, потребительство). Опираясь на рассуждения К. Маркса, который в свое время хорошо показал, что владение собственностью, множественность вещей не делает человека духовно богаче и не развивает личность, Э. Фромм подчеркивает, что современному человеку необходимо изменить свое бытие, свое «вещистско-предметное Я», свою систему ценностей. Иначе, считает Э. Фромм, неизбежна дальнейшая деградация человека, а может быть, и гибель человеческого рода [31].

Итак, современному человеку приходится делать трудный выбор: принять идеологию общества, пронизанную категориями «обладать», «присвоить», «потребить», но при этом чаще всего остаться, по выражению известного русского философа И.А. Ильина, «духовно никем» [32], или прислушаться к мнению духовенства, философов, художников, лучших писателей, деятелей культуры и пойти по пути духовного развития. Первый путь легкий, общепризнанный. Это путь человека массы, по нему сегодня идут многие. Движение по этому пути дает человеку ощущение приобщенности к современным формам жизни, достижениям цивилизации, включенности в большие массы единомышленников, ощущение комфорта от солидарности с подобными себе конформистами. При этом человек массы испытывает почти всегда полное равнодушие к проблемам, которые выходят за пределы его «частных», «индивидуальных», «личных» интересов. Фундаментальные основания жизни и культуры человек массы обосновывает не обращением к духовным критериям и истокам, а ссылкой на биологические инстинкты. Самосохранение, частная собственность, материальное благополучие, потребительство, желание опередить конкурентов, занять «место под солнцем» – все это инстинкты,

согласно человеку массы. Послушать многочисленных людей массы – и мы больше не найдем в истории человеческой цивилизации никаких духовных исканий и устремлений человека, никаких творческих мук, никакого поиска смысла жизни, никакого самопожертвования и нравственно-го самоусовершенствования.

Руководствуясь исключительно «инстинктами» (а на самом деле привитыми атмосферой современного рыночного общества утилитарными устремлениями), человек массы дичает. Не случайно о возможном бездуховном «одичании Европы» [33] говорил Х. Отрега-и-Гассет. Писал об этом по-своему еще в XVIII веке и итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико. Он предвидел духовную деградацию западноевропейского общества уже тогда и видел главную причину этого в сформировавшихся в то время капиталистических общественных отношениях и зарождающейся буржуазной демократии, так как общество, основанное на купле и продаже, продуцирует людей, согласно Вико, видящих во всем только «необходимую жизненную полезность» [34].

Однако человека массы не пугает духовная деградация, так как для него вообще не существует такой проблемы, для него это «метафизический» вопрос. Он легко отказывается от всего, что не вписывается в систему его приземленного мировоззрения. Но и ему присуща определенная патетика, когда он говорит о достижениях западной техники и преимуществах западной демократии. Идеал у человека массы чисто экономический – это «качество жизни» в экономически развитых странах. За последние годы написано множество панегириков рынку и массовой культуре нашими российскими авторами. Человек массы даже современную фундаментальную науку считает ненужной. По результатам социологических опросов, проводившихся в конце 90-х годов в нашей стране, только 14% респондентов признают необходимость проведения фундаментальных исследований, а остальные не видят в науке никакого проку [35]. Неудивительно поэтому, что в нашей стране в последние годы резко увеличилось число предпринимателей, торговцев, работников сферы услуг, а количество ученых сократилось в два раза [36].

Искусство, по мнению человека массы, служит исключительно целям развлечения. Отсюда ведут свое происхождение многочисленные образцы низкопробной продукции: примитивные детективы, боевики, «мыльные оперы», «окна», «за стеклом» и т. д. Язык человека массы сниженный, как и вся атмосфера, в которой он живет. Некоторые современные российские

писатели включили сниженный язык и мат в контекст своих «произведений». Иные из них предлагают узаконить мат и сделать его общепотребимым, что, по их мнению, снимет проблему неприличного языка вообще и сделает язык еще более «демократичным». Некоторым из них предоставили возможность вести передачи на центральном телевидении.

Поскольку подобные настроения стали довольно распространенными, зазвучали в прессе и активные протесты со стороны видных деятелей культуры, которые справедливо рассматривают язык в неразрывной связи с нашей духовностью. Каков язык, таково и наше сознание. Деградация же языка несомненно приведет к еще большей деградации национального сознания. Но почему-то сегодня очень многие наши сограждане встали на путь устойчивой деградации и пребывают в этом состоянии даже с некоторым клиническим сладострастием. Жалость вызывают только те люди, кого обмануло и выбросило на обочину жизни наше негуманное общество, особенно беспризорные дети.

Ситуацию трудного выбора в современной культуре отразил и Н.А. Бердяев в своей автобиографической книге «Самопознание»: «В жизни, – пишет он, – в самой силе жизни есть безумная тоска. «Сера всякая теория и вечно зелено древо жизни». Мне иногда хотелось сказать обратное. «Серо древо жизни и вечно зелена теория» [37]. И далее: «Я стал философом, пленился теорией, чтобы отрешиться от невыразимой тоски обыденной жизни. Философская мысль всегда освобождала меня от гнетущей тоски жизни, от ее уродства. Я противопоставил бытию творчество» [38].

Бытие или сознание? Механическая работа или творчество? Машина или дух? Практика или теория? Естественные науки или гуманитарные? Логика или интуиция? Утилитаризм или духовность? Таковы дилеммы нашего времени. Современная цивилизация очень активно (и даже агрессивно) выстраивает следующую цепочку предпочтений: бытие – механическая работа – машина – практика – естественные науки – логика – утилитаризм. Но в этом и заключается ограниченность и слабость нынешней эпохи, впрочем, и сила (в прямом смысле слова) тоже. Однако человек не может жить только силой и рассудком. Человек не должен оставаться столь одномерным, частичным, отчужденным. Жизнь без духовного творчества, без мечты и фантазии, без постижения красоты и гармонии бытия действительно тосклива. Но и романтизм без практи-

ки бесплоден. Значит, человек должен жить в целостной культуре, овладевая всем ее богатством и развивая себя в полной мере. Целостной же культура может стать только в том случае, если человечеству удастся оздоровить общество, нейтрализовать или ослабить мощные машинно-технические и естественнонаучно-компьютерные тенденции, всецело подчиняющие себе человека и превращающие его лишь в функцию, в придаток электронного, технического или экономического процесса.

Таким образом, задача мыслящих людей состоит в том, чтобы соединить в универсальную систему то, что было единым, но разошлось, обернувшись потерями для человека, в процес-

се развития цивилизации: теоретическое и практическое, естественнонаучное и гуманитарное, экономическое и романтические, науку и искусство, знание и веру. Все это в равной мере необходимо человеку. Только при этом условии человек будет жить в культуре, и его жизнь будет наполнена духовным смыслом. Подтверждением этой мысли служат слова великого русского писателя, давшего человечеству много важных истин: «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы» (Ф.М. Достоевский).

Список использованной литературы:

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 261.
2. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 72.
3. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1994. С. 36.
4. См.: Там же. С. 37.
5. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 64.
6. См.: Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 431.
7. Глазычев В.Л. «Массовая культура» // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 348.
8. Слово «образованщина» принадлежит А.И. Солженицыну. Так он называет интеллигенцию советского периода, имея в виду ее духовную опустошенность и подавленность политическим и идеологическим прессом. Однако в понятие «образованщина», по Солженицыну, входит и такой признак образованного слоя нашего общества, как существенные мещанские проявления его образа жизни (См.: Солженицын А. На возврате дыхания и сознания. Раскаяние и самоограничение. Образованщина // Новый мир. 1991. №5. С. 33-35).
9. Фролов И.Т. Перспективы человека. М., 1983. С. 283.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. №4. С. 118.
11. Там же. С. 119.
12. Там же. С. 119-120.
13. Там же. С. 120.
14. Там же. С. 121.
15. Там же.
16. Сухомлинский В.А. Об умственном воспитании. Киев, 1983. С. 94.
17. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 235.
18. См.: Чанышев А.Н. Начало философии. М., 1982. С. 130.
19. См.: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 11.
20. См.: Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 1993. С. 82.
21. См.: Чанышев А.Н. Указ. соч. С. 69.
22. См.: Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 360.
23. Ларошфуко Ф. де. Максимумы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. Библиотека всемирной литературы. Т. 42. М., 1974. С. 169.
24. Там же.
25. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32-50.
26. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 148-149.
27. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 394.
28. См.: Шелер М. Формы знания и образование // Человек. 1992. №5.
29. Там же. С. 71.
30. Там же. С. 72.
31. См.: Фромм Э. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
32. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 242.
33. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 315.
34. См.: Вико Д. Основание новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
35. См.: Юревич А.В., Цапенко И.П. Функциональный кризис науки // Вопросы философии. 1998. №1. С. 25.
36. Там же. С. 17.
37. Бердяев Н.А. Самосознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 48-49.
38. Там же. С. 49.